

Россия Солженицына

11 декабря 75 лет со дня рождения писателя

Константин КЕДРОВ.

«Известия» - 1993. - 10 дек. - с. 7.

Александр Исаевич Солженицын вошел в литературу не через широкий холл Союза писателей СССР, а сквозь колючую проволоку советского ГУЛАГа. В повести «Один день Ивана Денисовича» ему удалось найти такие слова, которые растопили сердечный лед даже на самой вершине партийного Эльдара. Повесть была напечатана, хотя запрет на гулаговскую тему оставался почти неизбывным и при Хрущеве, и при Брежнев, и при Андропове, и при Черненко.

Почему так запомнился и полюбили россиянам ничем не примечательный зэк Иван Денисович, останется тайной на все времена. Ведь так же полюбила Россия кроткого станционного смотрителя из повести Пушкина и незлобивого Акакия Акакиевича из бессмертной «Шинели» Гоголя. Иван Денисович вроде бы и из XX века и все идеологические накачки прошел, но только душа и мозг его абсолютно не затронуты всей этой высокоудейной галиматией. Голый человек на голой земле, с хлебной коркой, бережно припрятанной за щекой и все-таки и прежде всего человек, а потом уже зэк, крестьянин или пресловутый герой нашего и нашего времени. В душе и в характере Ивана Денисовича есть та щемящая сердцу простота, которая позднее так точно угадана Солженицыным в характере последнего русского государя. Николай II — царь, Иван

Денисович — зэк, между ними несколько десятилетий советской власти, в равной мере враждебной и царю, и крестьянину, но что-то очень роднит этих двух литературных героев. Лев Толстой говорил, что для успеха писателю нужно иметь три свойства: любовь к изображаемому предмету, искренность и, наконец, ясный стиль изложения.

Все три свойства даны Солженицыну в полной мере. Впрочем, если первое, любовь к человеку, видимо, присуще писателю от рождения, то два других необходимых свойства ему, как и Толстому, пришлось добывать из самой глубины трагической русской жизни. Стать искренним и правдивым в царстве неимоверной гипертрофированной лжи можно было, только совершив подвиг. И Солженицын прошел этот путь. Он совершенно не случайно оказался по ту сторону колючей проволоки. Ведь именно там были многие его будущие герои.

В свое время Пушкин сравнил автора «Истории государства Российского» с Колумбом, открывшим русским их собственную историю. Колумб после открытия Америки жил в опале, но на свободе. Карамзин был заслуженно обласкан обществом и государем за свой титанический труд. Солженицын, открывший всему миру архипелаг ГУЛАГ, поплатился за это изгнанием в Америку, когда-то открытую Колумбом.

Я не преувеличиваю, когда говорю, что архипелаг ГУЛАГ стал открытием для всего мира.

К сожалению, западноевропейская интеллигенция поддавалась, да и сейчас еще поддается многим приемам коммунистической пропаганды. Да, формально о зверствах коммунистического режима Европа и Америка знала и до Солженицына; но одно дело головное знание, другое, когда оно доходит до сердца. Нет не нагнетанием ужасов убеждает Солженицын. Зверств этих в тысячу раз больше, чем могла бы вместить любая белая книга о советских злодеяниях, которые не кончаются и по сию пору. «Архипелаг ГУЛАГ» потрясает разум и сердца монументальной целостностью мирового зла, свившего гнездо из колючей проволоки на 1/6 части суши и распространившего свою власть на целые материи и континенты. «Записки из Мертвого дома» Достоевского кажутся невинной рождественской сказкой перед тем, что открывается читателю в документальной эпопее Солженицына. Здесь все герои эпизодичны, кроме самого зла. Оно торжествующее, ничем и никем не ограниченное в России XX века, засекретившее себя для всего мира, очевидное и в то же время невидимое для самих россиян, вдруг разверзло свое зияющее жерло перед ошеломленным миром на страницах солженицынской прозы.

Я не думаю, что верные служители советской власти и жрецы коммунистической химеры остались такими же, как и раньше, после прочтения в своих спецзданиях, запрещенных для всей страны, трудов Солжени-

цына. Конечно, секретари обкомов оставались секретарями обкомов, а генсеки генсеками. Никто и по сей день не вышел на площадь, как Раскольников Достоевского, не встал на колени, не поцеловал землю и не раскаялся, но зло, названное по имени, теряет половину своей нечистой силы. Солженицын разгадал имя зла и назвал зло по имени в «Архипелаге ГУЛАГ». Имя ему — легион, имя ему — коммунизм. Любой коммунизм — воображаемый и реальный, правильный и неправильный. Ненасытительный до человеческой крови, всегда полный революционной злобы ко всем, кто с ним не согласен.

Увы, не было Нюрнбергского процесса над коммунизмом. Никого ни к чему не приговорили за самые жуткие злодеяния и даже персональной пенсии не лишили; но есть «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Есть Божий суд над злом, самый страшный, самый убедительный суд гениальным словом.

В Освенцим ходят поучительные экскурсии — сталинские лагеря вряд ли когда-нибудь станут доступны для всемирного обозрения, но кто прочел «Архипелаг ГУЛАГ», тот увидел все. Все — это последняя черта, за которой человечество погибнет, если не убьет в себе коммунизм и фашизм.

Когда Солженицын призвал нас «жить не по лжи», мы даже не очень поняли его самиздатскую речь. Как можно жить не по лжи в стране, где за каждое правдивое слово человека ждет тюрьма, психушка или полное

крушение карьеры. И все-таки наступил момент в истории, когда почти трехсотмиллионная страна вдруг перестала лгать. Одно этого было достаточно, чтобы рухнула империя дьявола.

Вот тут-то и наступает для России самая опасная эпоха «красного колеса». Не думаю, что последняя многотомная эпопея Солженицына только о прошлом. Предреволюционная, предгибельная Россия 17-го года — это предостережение всем нам сегодня. Гибелью грозят те моменты истории, когда личности отходят на второй план, а решающее слово отдается толпе на улице. Красное колесо — это то, что предшествовало ГУЛАГу. Толпа на площади...

Никто не заподозрит Солженицына в симпатии к какой бы то ни было форме власти, его критика всегда сурова, но зато писатель очень хорошо знает, что такое советская власть. Потому что самым решительным образом поддержал, хоть и запоздалым, но наконец-то принятые меры против всевластия Советов в роковые дни нынешнего октября.

У Солженицына есть свои надежды относительно будущего России. Он верит в особую форму земской демократии, ждет, что из провинции придет к нам спасение, в равной мере не приемлет и социализм, и капитализм.

Поиски третьего пути уже не раз вводили Россию в тупик мировой истории. Поразительно, что и революционные демократы (Чернышевский, Герцен), и славянофилы в равной мере верили в сельскую общину и коллективное землепользование. Ниче-

го, кроме колхозов и совхозов, из этих поисков не произросло и уже не произрастет.

Самое главное, что теперь, вопреки опасениям Александра Исаевича, никто не сможет заставить его труды или ограничивать возможность высказывания. Во многом благодаря Сол-

женицыну в России произошли необратимые изменения на пути к свободе. Только приход к власти красно-коричневых мог бы оживить бывшие кошмары, но сегодня, уже не в первый раз Россия Солженицына говорит решительное «нет» и коммунизму.

